

*MalutkaSemen*

*Контур  
Энтропии*

СОДЕРЖИТ  
НЕЦЕНЗУРНУЮ  
БРАНЬ

18+

MalutkaSemen

# **Контур Энтропии**

«Автор»

2026

**MalutkaSemen**

Контур Энтропии / MalutkaSemen — «Автор», 2026

Середина девяностых. Время тектонического излома, когда вместе с границами империи рушатся моральные ориентиры, присяга и человеческие судьбы. Когда логика распада проникает внутрь самой оборонной системы, а вчерашние генералы решают превратить оружие судного дня в разменную монету, на их пути встают те, кого новая эпоха списала со счетов. Опальный офицер спецслужб Алексей Шатров и его жена Елена, бывший инженер триумфальной, но теперь заброшенной космической программы «Буран». У них нет союзников, а время идет на минуты. Это история не о супергероях, а о изломанных, но честных профессионалах, вынужденных вступить в противостояние с неумолимой логикой железа и человеческим предательством. «Контур Энтропии» — это суровый и пронзительный роман о цене верности, о невидимом подвиге «лишних людей» большой истории и о том, как трудно остаться человеком, когда весь мир вокруг стремительно распадается на части.

© MalutkaSemen, 2026

© Автор, 2026

# MalutkaSemen

## Контур Энтропии

### **Пролог. Нулевой контур**

**15 ноября 1988 года. 06 часов 23 минуты по московскому времени.**

**Центр дальней космической связи, Евпатория.**

В зале управления стояла такая тишина, что было слышно, как натужно, со свистом трещит бумага в пишущих автоматах «Консул». Огромные электронные табло на стенах горели ядовито-синим светом, отражаясь в полированных стеклах приборных стоек. На этих стеклах дрожали тонкие, зеленые нити телеметрии, уходящие в бесконечность.

Елена стояла у центрального пульта, вцепившись пальцами в металлический поручень так, что побелели суставы. Её темные волосы были перехвачены простой аптечной резинкой, под глазами от третьих суток без сна залегли глубокие, серые тени, а в кармане халата лежала полупустая пачка сигарет «Космос» — непозволительная роскошь для режимного зала. Она не курила уже двенадцать часов. Она забыла, как дышать.

На главном экране, медленно пробивая плотные, свинцовые тучи над ночным Байконуром, шла к Земле огромная, крылатая белая птица. Челнок «Буран».

Он возвращался из своего первого, абсолютно автономного космического полета. В его кабине не было пилотов. Кресла были пусты, органы управления двигались сами по себе, повинаясь заложенным в бортовой компьютер математическим матрицам — тем самым, которые Елена и её группа рассчитывали последние семь лет в закрытых лабораториях подмосковного Подлипков.

Машина шла на посадку со стороны Тихого океана при штормовом боковом ветре, скорость которого на посадочной полосе «Юбилейного» превышала тридцать метров в секунду. Американские «Шаттлы» в таких условиях разбились бы в щепки — их пилоты просто не успели бы среагировать на рваные приземные потоки.

— Ленка, смотри... — тихо, сорвавшимся голосом прошептал стоявший рядом ведущий баллистик, указывая пальцем на круглый радарный экран. — Он закладывает вираж... Зачем он уходит вправо? Он же промахнется мимо полосы! Земля, дайте ручное управление! Дайте команду на подрыв!

Зал глухо, испуганно выдохнул. Огромный стотонный корабль, стоивший стране миллиарды рублей и миллионы человеко-часов, вдруг совершил резкий, противоестественный маневр, отвернув от посадочного курса. Чиновники из Госкомиссии в первых рядах начали судорожно тянуться к телефонам прямой связи с Москвой. Запахло катастрофой.

Только Елена не шелохнулась. Она знала этот алгоритм наизусть. Это была тридцать четвертая подпрограмма защиты — её личная гордость. Бортовой компьютер «Бурана», анализируя штормовой ветер у земли, сам принял решение заложить петлю, облететь аэродром по дуге и зайти на посадку с подветренной стороны, обманув стихию. Машина оказалась умнее создателей. Она спасала себя сама.

Через три минуты стотонный челнок мягко, с характерным дымным хлопком покрышек об бетон, коснулся полосы. Носовая стойка шасси опустилась ровно на осевую линию. В ту же секунду за хвостом птицы раскрылись огромные тормозные парашюты, и зал взорвался.

Люди плакали, обнимались, бросали в воздух папки с чертежами. Седые академики прыгали как дети, разбивая дорогие импортные очки. Это был триумф. Абсолютный, чистый квантовый скачок человеческой мысли, мост, переброшенный напрямиком в двадцать первый век.

Елена медленно опустилась на жесткий стул, чувствуя, как её бьет крупная, запоздалая дрожь. Она достала из кармана ту самую пористую кварцевую плитку теплозащиты, которую

всегда носила с собой как талисман. Плитка была легкой, как застывшая морская пена. Елена прижала её к холодной щеке. Ей казалось, что эта белая птица на экране теперь защитит их всех. Защитит страну, защитит их маленькую квартиру на Фестивальной, защитит её Алексея, который сейчас где-то там, в сырых коридорах Лубянки, выполнял свою невидимую, страшную работу. Она верила, что этот технологический щит универсален.

Она еще не знала, что ровно через семь лет эту великую белую птицу ангаре Байконура похоронит рухнувшая от ветхости крыша, а её чертежи будут продавать на вес золота на обломках великой империи. Она не знала, что тот самый алгоритм тридцать четвертой зоны защиты, который только что спас «Буран», станет последним замком на ядерном пульте «Мертвой руки» в недрах Уральских гор.

И что её Алексею придется пробивать этот замок ценой собственной жизни, смывая кровью мазут с бампера серой «Волги».

А пока на экране «Буран» медленно застыл на бетонной полосе, окутанный клубами белого пара, и солнце над Казахстаном вставало над миром, который казался вечным.

## **Часть I: Волк в овечьей шкуре**

### **Глава 1. Симфония Magnum'a**

Ноябрьская Москва 1990 года не просто засыпала — она задыхалась в гнилой, липкой полутьме, сползавшей с тяжелого, свинцового неба. Весь день город полоскало промозглым дождем, который к полуночи сменился мокрым, талым снегом. Этот снег не приносил зимней чистоты. Падая на асфальт Садового кольца, он мгновенно смешивался с грязью, бензиновой гарью и противогололедной солью, превращаясь в жирную, скользкую кашу, в которой дрожали, ломались и расползались неоновые вывески первых кооперативных ларьков.

Город стремительно менял кожу, и этот процесс походил на затяжную болезнь. Из серого, монументального, пахнущего сухим казенным сукном и строгими министерскими коридорами Свердловского или Фрунзенского райкомов, он превращался в хаотичный, кричащий, залитый дешевым заграничным гляncем рынок. На площадях, где еще недавно вышагивали первомайские демонстрации, теперь лепились друг к другу разношерстные палатки из фанеры и брезента. В них торговали всем сразу: польским ликером «Амаретто», турецкими свитерами «БОЙЗ», сигаретами «Магна» в мягких пачках и пиратскими кассетами с записями группы «Мираж». Воздух был пропитан запахом дешевого пережаренного подсолнечного масла от лотков с кооперативными пирожками и выхлопными газами автобусов ЛиАЗ, которые надрывно были на подъемах.

Алексей Шатров переключил передачу. Потертая ручка коробки передач с прозрачной пластиковой розой внутри — нелепый, наивный шик из прошлой, еще советской дворовой семидесятой жизни — привычно легла в широкую ладонь. Его ГАЗ-24 двигался в правом ряду ближе к гранитному бордюру, лениво и плавно покачиваясь на разбитых швах асфальта и утопленных люках ливневой канализации.

Снаружи это была серая «Волга», но любой, кто хоть немного понимал в технике, при первом же взгляде на нее ощутил бы смутную, необъяснимую тревогу. Алексей вычистил кузов до идеального, почти маниакального состояния. Глубокая краска редкого заводского оттенка «серая ночь» лежала ровно, без единой царапины или скола, а тяжелая решетка радиатора, массивные бамперы и ободки фар были отполированы до зеркального блеска — в этом ртутном хrome ломались, двоились и дрожали огни ночной Москвы.

Но главным, что напрочь выбивалось из привычного, серого советского ландшафта, были колеса. Вместо узких заводских штамповок с плоскими блеклыми колпаками на машине стояли неприлично широкие импортные шины с агрессивным, глубоким дождевым протектором. Чтобы вместить их, Алексею пришлось тайно расширять колесные арки изнутри, аккуратно переваривая брызговики в закрытом боксе. Обута эта резина была в тяжелые, глубокие чер-

ные диски с небольшими круглыми отверстиями по ободу — точная копия культовых американских дисков из семидесятых, которые ставились на детройтские маслкары. Этот глухой, матовый черный металл в сочетании с породистым, ослепительно сверкающим хромом лишал «Волгу» всякой чиновничьей мягкости. Она выглядела приземистой, хищной и неестественно тяжелой. Номенклатурная овечья шкура оказалась сшита слишком плотно, и сквозь ее швы явственно проступали мускулы чужого, опасного зверя.

На светофоре у Сухаревской площади, прямо под темным, угрюмым фасадом старого гастронома, «Волгу» с резким, визгливым скрежетом тормозов подрезала вишневая «Девятка». Машина была новой, пахнувшей свежим лаком, но уже изуродованной элементами того самого нового, привозного шика. Задние стекла были наглухо затянуты глухой черной пленкой, сквозь которую из салона с натужным, хриплым надрывом била чужая, ломаная электронная музыка. Корма «Девятки» была задрана вверх за счет самодельных проставок в пружинах, а из-под бампера торчала толстая хромированная насадка глушителя, сипящая дымом.

Из переднего окна, опустившегося наполовину, высунулся молодой парень. На нем была объемная кожаная куртка-«пилот» со множеством ненужных молний, а на коротко стриженных пальцах, сжимавших край двери, тускло блеснули массивные золотые перстни-печатки. Парень, не глядя, сплюнул сквозь зубы длинную струю слюны прямо на капот серой «Волги», а затем, вальяжно обернувшись к своей спутнице — крашеной блондинке с огромным начесом и ядовито-розовой помадой на губах, — что-то громко захохотал, благодаря забавный случай и показывая пальцем на Шатрова.

Для этих людей, выросших из привокзального рэкета, подпольных швейных цехов и мутных схем с обналичкой через первые центры научно-технического творчества молодежи, Алексей был пустым местом. Элементом ландшафта. Старьем. Человеком, который застрял в системе, где зарплату выдавали раз в месяц по ведомости, а за доблестный труд награждали грамотами из плотного картона. Символом уходящей, неповоротливой и, как им казалось, совершенно беззубой эпохи.

Алексей даже не повернул головы. Его лицо, скуластое, обветренное, со следами старого, аккуратного шрама у левого виска, оставалось абсолютно неподвижным, словно высеченным из серого уральского гранита. Он смотрел прямо перед собой — туда, где над пустым перекрестком на тонких растяжках качался от ветра багровый, грязный кругляк светофора.

Но его левая нога, обутая в грубый форменный ботинок, мягко, почти ласково вдавила в пол тугую педаль сцепления. Правая рука без единого лишнего движения перевела рычаг КПП в положение первой передачи.

В этот момент под длинным, прямым капотом серой «Волги» происходило то, о чем парень в вишневой «Девятке» не мог догадаться даже в самом смелом кошмаре. Там, занимая абсолютно всё свободное пространство от моторного щита до радиаторной решетки, спал исполлин. Там стоял чугунный, тяжелый пятилитровый двигатель Magnum V8 от американского внедорожника. Алексей лично, по винтику, собирал этот агрегат в закрытом боксе ведомственного гаража подмосковного главка КГБ. Блок цилиндров, поршни, усиленный коленвал, кастомная топливная система — всё это выписывалось по секретным спецификациям министерства под видом запасных частей для скоростных катеров пограничной охраны. Это был волк. Настоящий хищник, запертый в клетке из советского листового железа.

Вспыхнул зеленый сигнал. «Девятка» рванула вперед с натужным воем полуторалитрового мотора, выплевывая из-под колес грязную жижу и закидывая капот «Волги» черными каплями.

Алексей выждал ровно долю секунды — то время, которое требуется профессионалу, чтобы оценить сцепление широких шин с мокрым асфальтом. Затем он резко, но плавно отпустил сцепление и до упора утопил педаль акселератора.

Пространство вокруг машины взорвалось.



Под капотом «Волги» проснулась дикая, первобытная ярость американского машиностроения. Magnum V8 отозвался не привычным для советских машин свистом или шелестом — он выдал глухой, утробный, раскатистый рык, от которого, казалось, завибрировали стекла в витрине гастронома. Это был чистокровный металлический гром. Массивный кузов ГАЗ-24 ощутимо, почти пугающе присел на заднюю ось, прижимаясь широкими катками к земле. Кастомный карданный вал, выточенный из специальной стали, передал колоссальный, избыточный крутящий момент на задний мост.

Машины не повело, её не бросило в юз — американская резина на черных дисках намертво вгрызлась в обледеленую жижу Садового. «Волга» буквально выстрелила вперед, словно её сорвало с катапульты авианосца. Алексея мощно, всем телом вдавило в жесткое старое кресло, из которого он заранее убрал мягкие пружины.

Вишневая «Девятка» осталась позади так стремительно, словно она не разгонялась, а врубила задний ход. В зеркале заднего вида Алексей успел поймать короткую, смазанную картинку: парень в кожаной куртке судорожно вцепился в руль, его рот смешно открылся в немом крике, а крашеная блондинка на пассажирском сиденье от неожиданности выронила сумочку. Серая «Волга» обошла их по левому ряду, обдав каскадом грязной воды из-под колес, блеснув на прощание зеркальным хромом бампера, и унеслась в темноту тоннеля под Маяковской площадью.

Через триста метров Алексей ослабил давление на педаль. Машина снова шла ровно, скрывая свою страшную силу под неторопливым, тихим и плотным урчанием, похожим на мурлыканье огромного сытого кота. Он бросил быстрый взгляд на приборную панель. Старый спидометр-лента, размеченный до ста сорока километров, был бессилён — стрелка ушла далеко за крайнюю отметку и замерла там, где пластик переходил в корпус.

В салоне пахло бензином АИ-93, тяжелым моторным маслом, остывающим металлом и горьким табачным дымом от сигареты, которую Шатров выкурил час назад на дежурстве. Этот запах был его личной броней. Его пространством абсолютной безопасности.

Алексей понимал этот мотор. Он знал характер этой машины, чувствовал малейшую вибрацию на рулевом колесе, понимал, как ведет себя каждый узел, каждый штуцер и шпилька, которые он лично протягивал длинными ночными часами, когда за окнами гаража был подмосковный ветер. В мире, где на глазах рушились геополитические союзы, где конституция превращалась в филькину грамоту, а вчерашние секретари горкомов судорожно переписывали партийные санатории на свои новые акционерные общества, законы термодинамики и точной механики оставались единственным, что еще сохраняло твердую, непоколебимую логику.

Железо не умело лгать. Оно не могло предать, сославшись на новые веяния, перестройку или указания сверху. Оно либо работало, подчиняясь давлению газов и силе трения, либо ломалось. И если оно ломалось, его можно было починить понятным инструментом. С людьми, с которыми Алексею приходилось сталкиваться по долгу службы последние два года, эта логика больше не работала. Старые пароли не открывали двери, вчерашние враги становились партнерами, а те, кто еще год назад громче всех кричал о верности делу Ленина, теперь первыми выносили из секретных архивов папки с чертежами новейших оборонных разработок, чтобы выменять их на чеки «Внешпосылторга» или пачки зеленых американских купюр.

Шатров сбавил скорость до разрешенных шестидесяти. «Волга» плавно покатила по пустынному, залитому редким светом мигающих желтых фонарей проспекту Мира, уходя в сторону спальных окраин северного округа. Философия его жизни была проста и укладывалась в один короткий рабочий алгоритм: делать то, что должно, пока работает мотор. Корабль мог тонуть, капитан мог быть пьян или продать карты противнику, но если ты стоишь у машины — твое дело следить, чтобы давление в котлах не падало до критической отметки. До тех пор, пока есть присяга, которую никто официально не отменял.

Алексей повернул во дворы Фестивальной улицы. Фонари здесь не горели вовсе. Серые, одинаковые панельные пятиэтажки и редкие девятиэтажные «брежневки» стояли в темноте, словно гигантские надгробные плиты ушедшему веку. Изредка в окнах мелькал синеватый, мертвенный свет телевизоров — люди смотрели очередные заседания Верховного Совета или сеансы Кашпиrowsкого, пытаясь найти хоть какую-то опору в наступающем хаосе.

Он припарковал машину под раскидистым, старым тополем, ветки которого тяжело стучали от ветра по крыше со следами мокрого снега. Повернул ключ в замке зажигания. Magnit V8 выдал последний, тяжелый вздох и затих. В наступившей тишине было слышно только, как с характерным металлическим шелканьем остывает выпускной коллектор под капотом, а идеальный хром решетки отражает редкие капли летящего с неба льда.

Алексей Шатров посидел в темноте еще около минуты, положив руки на руль. Впереди был короткий сон, а завтра — завтра его ждал сизый табачный дым Лубянки и приказы, которые с каждым днем становились всё более странными и пугающими. Но пока машина была исправна, он был готов ехать. Любой ценой.

## **Глава 2. Теплозащита**

Подъезд пятиэтажки на Фестивальной встретил Алексея привычным, въевшимся в бетон запахом мокрой штукатурки, старых газет и застоявшегося табачного дыма. Ступени из крошеного мрамора, стертые тысячами подошв до гладких ложбин, глухо отзывались на каждый шаг его тяжелых форменных ботинок. На третьем этаже тускло, в пол накала, мигала оголенная лампа, заливая облупившиеся стены ядовито-зеленой краски нервным, судорожным светом.

Алексей мягко провернул ключ в замке. Дверь, обитая по старой советской моде дерматином с крестообразными натяжками из медной проволоки, открылась почти бесшумно.

В прихожей было темно, но из приоткрытой двери кухни тянулась тонкая, теплая полоса желтого света. Вместе с ней в полумрак коридора проникал густой, домашний запах заваренного в глиняном чайнике шиповника и сушеных антоновских яблок. Этот запах действовал на Шатрова как укол анестезии. Он мгновенно вырывал его из стерильного, холодного мира лубянских кабинетов, ночного Садового кольца и вечного ожидания подвоха. Здесь, внутри этих сорока квадратных метров, время словно замедляло свой бег, пытаясь удержать остатки прежней, понятной и безопасной жизни.

Алексей снял тяжелую суконную куртку, аккуратно повесил её на деревянные плечики и прошел на кухню.

Елена сидела за узким столом, низко наклонившись над чертежами. Старый абажур с шелковой зеленой бахромой, купленный её родителями еще в шестидесятых, отбрасывал мягкий, ровный круг света на её лицо и руки. Вокруг неё живым, хаотичным веером были разложены ватманы, графики температурных испытаний с синими печатями закрытого НИИ и тяжелые, матово-белые бруски правильной четырехугольной формы.



## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.